

Тень в библиотеке старого особняка

Aila Less

Aila Less

**Тень в библиотеке
старого особняка**

«Автор»

2026

Less A.

Тень в библиотеке старого особняка / А. Less — «Автор», 2026

В элитной школе-пансионе «Предел Ветров», хранящей вековые традиции и тёмные тайны, после роскошного бала находят тело популярного старшекласника Лео Брайтона. Всё выглядит как несчастный случай — падение с винтовой лестницы в заброшенном крыле. Но для тихой и наблюдательной Мелиссы, всегда существовавшей на периферии школьной жизни, эта смерть не выглядит случайностью. Её единственная зацепка — стальная закладка в виде ящера, найденная на месте гибели Лео. Расследование, которое она начинает против своей воли, вынуждает её объединиться с братом погибшего, циничным и закрытым Максом. Вместе они выходят на след «Общества Ящера» — тайного клуба для избранных, возрождённого Лео, и обнаруживают, что корни этой истории уходят в прошлое школы.

Содержание

Глава 1: Бал Тени	5
Глава 2: Общество Ящера	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тень в библиотеке старого особняка

Глава 1: Бал Тени

Великолепие бала в честь основания «Предела Ветров» било через край, растекаясь по залу золотым, душным маревом. Сотни свечей отражались в хрустальных подвесках тяжёлых люстр, и их трепещущий свет скользил по начищенному паркету и шёлку вечерних платьев. Воздух был густым коктейлем из воска, пудры и дорогих духов – сладковатый, почти удушливый запах праздника, который Мелисса ненавидела с детства.

Гул голосов внезапно стих, уступая место торжественным аккордам, прозвучавшим с хоров. Все взоры устремились к парадной мраморной лестнице, где появилась внушительная фигура директора «Предела Ветров» – Игнатиуса Ван Дера.

– Дамы и господа, ученики и наставники, – его голос, отточенный годами публичных выступлений, без малейших усилий заполнил собой всё пространство зала, достигая самого отдалённого уголка. – Добро пожаловать на ежегодный Бал Основания! Сегодня мы не просто веселимся. Мы отдаём дань памяти тем, кто стоял у истоков этого великого дома знаний, тем, чья воля и видение создали место, ставшее для многих из вас вторым домом.

Его речь текла плавно и величественно, но Мелисса, знакомая с основами риторики, без труда улавливала в ней привычные, заученные пассажи. Он говорил о традициях, о преемственности поколений, о долге перед наследием основателя – графа Орлова.

– И по давно устоявшейся традиции, – провозгласил Ван Дер, и в его голосе впервые прозвучали ноты неподдельной торжественности, – мы должны увенчать тех, кто в этом году стал олицетворением духа «Предела Ветров»! Встречайте – король и королева нашего бала!

Под восторженные возгласы и аплодисменты на верхней площадке лестницы появились Лео Брайтон и Виктория Браун. Директор с театральным жестом возложил на голову Виктории изящную диадему в виде переплетённых ветвей, а на плечо Лео накинул бархатную порфиру с вышитым фамильным гербом Орловых. В этот момент Мелиссе показалось, что на лице Лео мелькнула тень не то смущения, не то иронии, словно он и сам понимал всю театральность этого ритуала. Но уже в следующее мгновение он сиял своей ослепительной улыбкой, принимая дань восхищения. Виктория же, напротив, впитывала каждый луч внимания в свою сторону. И только когда торжественные фанфары сменились первыми аккордами вальса, и ново-явленные монархи спустились в зал, чтобы открыть танцы, Мелисса смогла перевести дух.

Прижавшись спиной к прохладной стене, залитой резными дубовыми панелями, она наблюдала. Это было её привычное состояние – оставаться на периферии, в роли безмолвного летописца чужого веселья. Тёмное, скромное платье девушки становилось островком тишины среди моря сияющих красок, позволяя ей видеть то, что скрывалось за фасадом всеобщего ликования. Среди всего этого сияющего водоворота взгляд Мелиссы невольно возвращался к Лео Брайтону, танцевавшему с Викторией Браун. Её ослепительная улыбка и платье цвета шампанского идеально оттеняли его уверенную, почти королевскую осанку. Их руки переплетались в отточенных движениях, взгляды встречались и задерживались, а вокруг раздавались восхищённые вздохи.

Но Мелисса, привыкшая видеть то, что скрыто от остальных, различала иное. Она замечала, как улыбка Виктории на мгновение застыла, превращаясь в напряжённую маску, когда Лео склонялся к её уху. Замечала, как её пальцы, покоившиеся на его плече, чуть заметно впивались в ткань фрака – скорее цепляясь, чем лаская. Перед ней был не танец влюблённых, а тонкая дуэль, где каждый жест становился одновременно ударом и парированием.

– Идеальная пара, не находите? – этот комментарий, прозвучавший прямо у неё за спиной, заставил Мелиссу вздрогнуть.

Она обернулась и встретилась взглядом с Максом Брайтоном, братом Лео. Он стоял, небрежно скрестив руки на груди, опершись плечом о резную дубовую панель стены. Его тёмные волосы были чуть растрёпаны, а в глазах – привычная холодная усмешка, которая всегда казалась Мелиссе щитом от всего мира. Между братьями существовала та особая связь, которую трудно описать словами, но легко почувствовать – они были разными, но неразделимыми. Лео – солнце, вокруг которого всё вращалось. Макс – тень, которая всегда следует за солнцем, но никогда не становится им.

– Всего лишь два павлина, распутивших хвосты для толпы, – бросил он тихо, но с явной горечью, не отрывая взгляда от танцующего брата. – Зрелище, признаться, утомительное.

Мелисса, не в силах оторвать взгляд от Лео, лишь беспомощно пожала плечами. Ей хотелось сказать что-то остроумное, отразить его сарказм, но слова застревали в горле.

– Вы... не любите балы? – наконец выдавила она, удивляясь собственной смелости.

– Терпеть не могу, – признался Макс, отводя взгляд обратно к танцполу. – Всё это... театр. Маски, улыбки, кто кого перетанцует. А Лео в этом как рыба в воде. Всегда был. – Он помолчал, потом добавил тише: – Иногда я ему завидую. А иногда... жалею.

Мелисса хотела спросить, что он имеет в виду, но в этот момент, будто почувствовав их взгляды через весь зал, Лео, не сбиваясь с ритма вальса, легко и почти невесомо подмигнул ей. Его зелёные глаза – яркие, искрящиеся, словно изумруды под светом люстр – на миг встретились с её взглядом, и в них мелькнуло что-то игривое, почти заговорщическое.

От неожиданности по лицу Мелиссы разлилось жаркое смущение. Щёки запылали, и, чтобы скрыть это, она поспешно отвернулась и направилась к буфету. Там, в сиянии хрустальных люстр, высились целые горы безе и эклеров на массивных серебряных подносах, искрящихся отраженным светом сотен свечей. Воздух был пропитан сладким ароматом ванили и шоколада, но Мелисса почти не замечала этого. Пытаясь прийти в себя, она потянулась за бокалом лимонада, но вдруг ощутила, как её локоть задел чье-то плечо.

– Простите, я... – начала она, оборачиваясь, и замерла, едва не выронив бокал.

Перед ней стоял Лео. Он уже покинул танцпол и теперь стоял в стороне, чуть в тени колонны, задумчиво вертя в длинных пальцах почти полный бокал шампанского. Та самая ослепительная улыбка, которой он одаривал толпу, исчезла с его лица, уступив место тихой задумчивости. В уголках зелёных глаз залегла лёгкая усталость, а идеально уложенные волосы слегка растрепались.

– Ничего страшного, – сказал он, и его низкий, тёплый голос с лёгкой хрипотцой заставил Мелиссу невольно сжаться. – Вы тоже спасаетесь от этого вавилонского столпотворения? Я вас прекрасно понимаю.

Мелисса смущённо отвела взгляд, чувствуя, как жар снова приливает к щекам. Она крепче сжала холодный бокал, чтобы пальцы не дрожали. Лимон в лимонаде качнулся, пузырьки поднялись к поверхности – и это маленькое движение почему-то помогло ей собраться.

– Возможно, мистер Брайтон, – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. – Порой весь этот блеск и шум – самое утомительное, что может быть на вечере. Особенно когда... всё кажется слишком идеальным.

– Слишком идеальным, – повторил он, пробуя слово на вкус. – Я, кажется, понимаю, что вы имеете в виду. – Он сделал глоток шампанского и поморщился. – Знаете, – сказал он, понизив голос до доверительного полусшёпота и наклоняясь ещё ближе – так, что она уловила лёгкий аромат его одеколона, свежий, с нотами цитруса и сандала, – здесь ходят любопытные слухи. Будто бы в старом крыле, в библиотеке, по ночам до сих пор слышен скрип пера. Говорят, старик Орлов так и не поставил последнюю точку в своих мемуарах. И иногда... иногда кажется, что он всё ещё там. Дописывает то, что не успел при жизни.

Уголки его губ дрогнули в усмешке, но в глазах не читалось ни искорки веселья – только странная, почти болезненная серьёзность.

– Надо бы как-нибудь проверить, – добавил он тихо, глядя ей прямо в глаза. – Мне кажется, вам, с вашей любовью к старым книгам, там понравится.

– Я... подумаю, – выдохнула она, удивляясь, что вообще смогла ответить.

Но прежде чем она успела сказать что-то ещё, его взгляд внезапно сорвался с её лица и устремился куда-то позади неё. В следующее мгновение всё выражение его лица преобразилось: беззаботная небрежность бесследно растаяла, сменившись внезапным напряжением, сосредоточенностью, почти тревогой.

– Извините, меня ждут, – отрывисто бросил он и, оставив недопитый бокал на ближайший поднос быстрым шагом скрылся в арочном проходе, уводящем в полумрак зимнего сада, оставив после себя только лёгкий шлейф одеколона.

Мелисса невольно проследила за ним взглядом. В тени арки, в стороне от общего веселья, стоял молодой учитель истории – Феликс Альтман. Он был одет в свой привычный, слегка поношенный костюм и держался с неестественно прямой, почти деревянной осанкой. Лео приблизился к нему, и они тут же погрузились в тихую, но напряжённую беседу. Альтман говорил быстро, лицо его было искажено серьёзностью, а Лео, нахмутив брови, внимательно слушал, изредка коротко кивая.

В этот момент движение в толпе привлекло внимание Мелиссы. Из-за массивной колонны появился Арчибальд Уэйнрайт, самый близкий друг Лео, его тень и неизменный спутник во всех авантюрах. Но сейчас на его обычно беззаботном лице читалась непривычная тревога. Он стоял, почти не скрываясь, и наблюдал за разговаривающими Лео и Альтманом с таким напряжением, что его пальцы судорожно сжимали складки на собственном фраке.

К нему подошла одна из девушек из свиты Виктории, смеясь и что-то шепеча. Она потянула его за рукав, но Арчибальд резко, почти грубо отдёргнул руку.

– Оставь меня, Клэр, ради всего святого, – прошипел он.

Та замерла, поражённая его тоном, и тут же отшатнулась с обиженным видом.

– Боже, что с тобой? – вскинула она брови. – Ты ведёшь себя так, словно у тебя кто-то умер.

Арчибальд резко выдохнул и отвернулся, словно её присутствие было ему невыносимо.

– Просто... не сейчас, ладно? – буркнул он, не поднимая глаз.

– Но... – Клэр хотела возразить, но, встретившись с его жёстким взглядом, осеклась и, покачав головой, скрылась в толпе.

Внезапно рука Лео непроизвольно взметнулась к волосам – этот нервный жест был безошибочным свидетельством нарастающего в нём раздражения. В ответ Альтман сжал его локоть, и в этом сдержанном движении угадывалась не только попытка утихомирить, но и настоящая потребность удержать. С первого же взгляда становилось ясно, что между ними происходило нечто большее, чем обычная светская беседа учителя и ученика. Девушка неотрывно наблюдала за ними, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Содержание разговора оставалось загадкой, но в памяти неожиданно всплыли небрежные слова Лео о скрипе пера в старом крыле. Что это было – просто шутка для поддержания беседы? Или многозначительный намёк?

– Нашла нового зрителя для своих печальных глаз, Мелвилл? – раздался за её спиной сладковатый, но отточенный как лезвие голос.

Мелисса вздрогнула и обернулась. Перед ней стояла Виктория, и в её позе читалась вызывающая уверенность.

– Я просто... наблюдала за происходящим, – осторожно начала Мелисса.

– За моим парнем ты хотела сказать? – Виктория плавно сомкнула расстояние между ними, и её холодный, насмешливый взгляд скользнул по простому платью Мелиссы. – Знаешь,

милая, таким, как ты, действительно стоит оставаться в тени. Это ваше естественное, даже... предназначение. Лео со всеми невероятно вежлив – даже с библиотечными мышками. Но не стоит строить из обычной вежливости нечто большее...

Мелисса почувствовала, как кровь приливает к щекам, но внутри что-то заставило её выпрямиться во весь рост.

– Я не строю иллюзий относительно своего места в этой... иерархии, – тихо, но твёрдо ответила она. – Но, возможно, некоторым просто надоедают вечные спектакли.

Глаза Виктории сузились, в них вспыхнула опасная искра.

– О, милая моя, – она наклонилась ещё ближе, и её шёпот стал ядовитым, – позволь дать тебе совет. Будь осторожнее в словах. В нашем с Лео мире всё – абсолютно всё – держится на репутации. А твою... твою такую хрупкую репутацию можно уничтожить одним росчерком пера. Или одним, вовремя сказанным словом на ушко нужному человеку. – Она намеренно медленно окинула Мелиссу уничижительным взглядом с ног до головы. – Подумай об этом, в следующий раз, когда будешь перебирать свои пыльные фолианты в одиночестве.

– Ты так уверена, что знаешь, о чём он действительно хочет поговорить? – неожиданно для себя возразила Мелисса. – Может быть, за всеми этими спектаклями, как ты говоришь, скрывается нечто большее?

Виктория замерла на мгновение, и в её глазах мелькнуло нечто неуловимое – не гнев, а скорее тревога.

– Не пытайся казаться умнее, чем ты есть, дорогая, – её голос снова стал гладким и холодным. – Ты понятия не имеешь, о чём говоришь. Некоторые вещи... некоторым людям лучше оставаться в неведении. Ради их же безопасности.

– Или ради чьей-то безопасности? – не сдавалась Мелисса, чувствуя, что задела за живое.

Виктория резко выпрямилась, и её лицо на мгновение исказилось неподдельным гневом.

– Хватит. Заканчивай этот разговор, пока не пожалела о сказанном. И запомни – увижу рядом с Лео снова, и ты очень пожалеешь. Я могу быть очень... убедительной, когда того потребуют обстоятельства.

С этими словами она плавно развернулась и удалилась, оставив за собой шлейф дорогих духов и ощущение неспровоцированной, но совершенно явной угрозы.

Мелисса глубоко вздохнула, пытаясь отогнать дрожь в руках. Ей нужно было отвлечься, стряхнуть с себя липкий страх, навеянный этим разговором. И когда оркестр заиграл новый вальс, медленный и меланхоличный, она, поддавшись внезапному порыву, сделала шаг от стены в сторону танцпола. Почти сразу же она столкнулась с застенчивым взглядом высокого, худощавого юноши из младших классов, который так же одиноко стоял у края паркета.

– Мисс Мелвилл? – его голос дрогнул, и щеки вспыхнули красным. – Я... Эдвард. Мы сидим на одном семинаре по античной истории. Простите мою смелость, но... не хотите ли потанцевать?

Такой неловкий контраст с ядовитой насмешливостью Виктории показался Мелиссе почти спасением. Она неожиданно для себя улыбнулась и кивнула. Эдвард осторожно взял её руку – его ладонь была прохладной и чуть влажной от волнения – и повёл на паркет. Их танец был далёк от идеала – шаги юноши сбивались, ритм постоянно ускользал, и уже дважды он неловко наступал ей на ногу, каждый раз торопливо бормоча извинения.

– Ох, простите! Я... совершенно безнадёжен в этом, – проговорил он, в его глазах читалось искреннее смущение.

– Ничего страшного, – мягко ответила Мелисса, стараясь двигаться легче, чем чувствовала себя на самом деле. – У всех когда-то бывает первый танец. Даже у лучших танцоров.

Он смущённо улыбнулся, явно не привыкший к такому отношению.

– Спасибо за доброту... Но, честно говоря, вряд ли я когда-нибудь стану одним из тех лучших. – Он наклонился чуть ближе, понизив голос. – Знаете, я простоял у стены минут

десять, готовый в любой момент сбежать. И только когда увидел, что вы выходите на танцпол... решился подойти. Подумал: если уж совершать провал, то хотя бы не в одиночестве.

Мелисса тихо рассмеялась, и впервые за этот вечер напряжение начало покидать её плечи. В этой неловкости было что-то неожиданно настоящее, чистое.

– Ну и как? – приподняв бровь, спросила она. – Уже жалеете о своей смелости?

– Честно? – Эдвард на мгновение посмотрел ей прямо в глаза. – Ни капли.

Она замолчала, смущённая такой простой искренностью. В его словах не было ни намёка на привычную светскую игру.

Они продолжали кружиться под меланхоличный вальс, когда Эдвард снова заговорил, стараясь не сбиться с ритма:

– Вы, кажется, единственная здесь, кто не смотрит на Брайтона как на солнце.

– А разве должна? – уклончиво спросила Мелисса.

– Но он же Лео Брайтон, – пожал плечами Эдвард. – Все либо хотят быть рядом с ним, либо хотят быть им. Он притягивает внимание, как центр вселенной.

– Солнце не только светит, – тихо заметила она. – Иногда оно обжигает.

Эдвард на мгновение замер, но потом мягко улыбнулся.

– А вы смотрите на него иначе. Как будто ищете не сияние, а разгадку.

Эти слова кольнули её. Он и не подозревал, насколько близок к истине. Мелисса опустила взгляд, чувствуя, как движение зала замедляется, становясь тягучим.

– Загадки бывают опасны, – ответила она почти шёпотом. – Иногда лучше оставить их неразгаданными.

– Возможно, – согласился Эдвард, чуть крепче сжимая её ладонь. – Но иногда именно загадки придают жизни смысл.

Она встретила его взгляд – робкий, смущённый, но абсолютно искренний. И это показалось ей куда ценнее холодной улыбки Виктории или отточенного шарма Лео. В этом простом парне не было ничего от той фальши, которой был пропитан весь этот вечер.

Когда музыка стихла, зал взорвался аплодисментами. Эдвард неловко отпустил её руку, словно боясь удерживать дольше положенного.

– Спасибо, – сказал он тихо. – За танец... и за то, что не сбежали.

– И вам спасибо, – ответила Мелисса с лёгкой улыбкой. – Было... действительно приятно.

Они обменялись короткими, почти церемонными поклонами, завершая этот неловкий, но трогательный момент. Эдвард, всё ещё не скрывая смущения, поспешно растворился в нарядной толпе гостей, оставив Мелиссу наедине с неожиданным ощущением лёгкости, которое почти сразу же было нарушено. Внимание в зале вновь привлёк директор, поднимающийся на невысокий помост. Его появление вызвало волну заинтересованного шёпота, пробежавшую по рядам гостей.

– А сейчас, друзья мои, – объявил он, поднимая руку для тишины, – осмелюсь прервать ваши танцы ради небольшого, но особенного музыкального подношения. Наш старинный механический оркестрион, ровесник этих стен, исполнит для вас «Балладу о Серебряном Источнике» – ту самую, что, по преданию, особенно любила супруга основателя.

Из резного деревянного ящика, напоминавшего скорее готический алтарь, нежели музыкальный инструмент, полились дребезжащие, призрачные звуки. Мелодия, струившаяся по залу, была прекрасной, но пронизанной странной меланхолией и тревогой. В её причудливых перегибах угадывались шелест опавших листьев, завывание ветра в старых трубах и что-то ещё – едва уловимое, словно отголосок далёкого плача.

Механический голос запел металлическим, безжизненным тембром:

«У источника с серебряной водой,

Где тени так густы, а ночи долги,

Стоит замок, хранящий покой. И тайны забытой дороги...»

Мелисса слушала, завороченная странной мелодией, и её внимание привлекло выражение лица Лео. Он, казалось, вслушивался в каждую ноту баллады с особым, почти напряжённым вниманием. В этот момент к ней бесшумно приблизился седовласый мужчина с утончёнными чертами лица и пронизательным взглядом – мэтр Жан, преподаватель музыки, чья жизнь уже много десятилетий была неразрывно связана со школой. Говорили, что он помнил всех учеников за последние сорок лет – и тех, кто стал знаменитым, и тех, кто бесследно исчез из истории.

– Проникает прямо в душу, не правда ли, мадемуазель Мелвилл? – тихо произнёс он, внимательно наблюдая за её реакцией. – Каждый год одно и то же. Выбирают самого красивого, самого популярного... но редко – самого достойного. Музыка же, в отличие от людей, беспристрастна. Она помнит всех «королей», что танцевали здесь до него. И помнит, чем закончился их звёздный час.

Он многозначительно кивнул в сторону Лео.

– Она, как старый летописец, хранит все секреты этих стен. Даже те, о которых люди предпочли бы забыть.

Мелисса встревоженно посмотрела на него:

– Вы говорите так, будто знаете что-то... конкретное, мэтр.

– Порой мне кажется, что сам граф Орлов вложил в эти мелодии часть своей... одержимости, – продолжил он, прикрыв глаза. – Слышите этот мотив? Это не просто грусть. Это предостережение.

– Предостережение кому? – тихо спросила Мелисса, но учитель уже отходил, оставляя её наедине с доносившимися из оркестриона тревожными нотами и новым, щемящим чувством беспокойства.

Баллада подходила к концу, и последняя фраза прозвучала особенно ясно: «...и кто нарушит ночной покой... Тот будет век свой помнить источник лесной.» Последние аккорды растаяли в воздухе, и зал взорвался бурными, переливающимися аплодисментами. Этот звук словно обрубил невидимые нити, связывавшие двух мужчин у зимнего сада. Учитель, не проронив ни слова, отступил вглубь зарослей и растворился в тени. Лео же, сделав глубокий вдох, повернулся к ослепительному сиянию зала. Маска беззаботного шарма вновь безупречно легла на его черты, и с этой тщательно подогнанной личиной он направился к Виктории.

Пробираясь обратно к буфету, Мелисса взяла со стола бокал с лимонадом – прозрачного, с пузырьками, с тонким ломтиком лимона, плавающим на поверхности. Эйфория от мимолётного танца и внимания Лео растаяла без следа, уступив место тяжёлому, липкому предчувствию, которое всё никак не желало отпустить.

– Выглядишь так, будто только что увидела призрака Орлова, а не самого популярного парня на вечере, – раздался рядом знакомый голос.

Девушка обернулась и увидела Сару – подругу детства с озорными глазами и лёгкой, почти насмешливой улыбкой.

– Просто... интересная беседа, – уклончиво ответила Мелисса, отставляя бокал.

– Лео Брайтон и наш дорогой Альтман? – протянула Сара. – Странная парочка. Не находишь?

– Тоже за ними наблюдаешь? – Мелисса удивлённо посмотрела на подругу.

Сара усмехнулась, пожав плечами.

– За ними сейчас полшколы наблюдает. – Она понизила голос, наклоняясь ближе. – Альтман последние недели вообще из архивов не вылезает. Якобы для новой книги. – Сара многозначительно приподняла бровь. – Но ходят слухи, что это как-то связано с семьёй Брайтонов. Что-то про тот самый пожар в усадьбе.

– Пожар? – переспросила Мелисса, чувствуя, как внутри шевельнулось знакомое беспокойство. – Но это же было много лет назад.

– Именно, – кивнула Сара. – Но некоторые уверены, что тогда сторело не всё. И судя по той оживлённой беседе, которую мы только что наблюдали, Лео это открытие явно не обрадовало.

Воспоминание о словах Сары отозвалось в сознании Мелиссы настойчивым эхом. Неожиданно перед её мысленным взором возник тот осенний день, когда они с Лео случайно оказались за соседними столами в библиотеке.

Он тогда отложил в сторону массивный том по геральдике и неожиданно спросил:

– А ты веришь, что прошлое может быть по-настоящему опасным?

Она смутилась тогда, приняв вопрос за очередную философскую игру пресыщенного аристократа. Не дождавшись ответа, Лео продолжил, глядя в окно на тёмный контур леса:

– Иногда его лучше не тревожить. Особенно если это чьё-то сгоревшее прошлое. Оно, подобно фениксу, способно возродиться – и принести с собой не славу, а новый огонь.

Тогда эти слова показались ей просто красивой метафорой. Теперь, после всего увиденного сегодня вечером, они звучали иначе.

Атмосфера в зале сгущалась, становясь почти осязаемой. Воздух, перенасыщенный ароматами дорогих духов, плавящегося воска и сотен разгорячённых тел, казался тяжёлым, липким, давящим на грудь. Нарастающий гул голосов, взрывы смеха, обрывки флирта и упрямые, настойчивые волны музыки сплелись в оглушительную симфонию, которая била в виски тупыми ударами и заставляла сердце колотиться чаще. Мелисса почувствовала, как потеют ладони, как горло сжимает внезапная сухость. Ей вдруг стало невыносимо душно среди этого сияющего, безупречного хаоса. Внезапно охватившая жажда свежего воздуха стала почти физической болью.

Она пробиралась к краю зала, ловко лавируя между группами гостей, отодвигая локтем шелковые рукава и парчовые фалды фраков. Наконец, её пальцы нащупали тяжёлую бархатную портьеру – плотную, пыльную, пропитанную запахом старого дерева и лака. С усилием отодвинув её в сторону, Мелисса выскользнула на небольшой уединённый балкон, утопающий в тёмной, бархатной глубине школьного сада.

Ночной воздух ударил в лицо холодом – резким, бодрящим, с привкусом прелой листвы и далёкого дыма от каминов. Где-то вдали, за тёмным частоколом вековых деревьев, мерцали огни города, но здесь, в «Пределе Ветров», царила своя, отдельная реальность, погружённая в безмолвную осеннюю тьму. Мелисса опёрлась ладонями о холодный парапет, чувствуя, как гранит отдаёт в кожу ночной мороз. Она уже собралась сделать глубокий вдох, чтобы окончательно успокоить бешено стучащее сердце, как вдруг до её слуха донеслись приглушённые, но отчётливые голоса из-за угла балкона – из приоткрытой форточки соседней курительной комнаты. Голоса были мужскими, напряжёнными, и один из них она узнала мгновенно.

– ...должен был проверить один раз, Арчи, последний! – это был голос Лео, сдавленный, почти шипящий от напряжения. В нём не осталось и следа той лёгкой, игривой интонации, которой он говорил с ней.

– Проверить? – отозвался голос Арчибальда – скептически, с ноткой едва скрываемого испуга. Мелисса представила его лицо: обычно беззаботное, с вечной ухмылкой, теперь, наверное, бледное, напряжённое. – Ты же сам говорил, что Альтман нашёл эти чертежи! Они не шутят, Лео! Ты думаешь, они просто так отдадут тебе... это? Вспомни, что случилось с твоим дядей, когда он слишком близко подобрался к их секретам!

Мелисса застыла, вжавшись в тень, боясь сделать малейшее движение. Её дыхание замерло, когда до неё донеслись слова Лео, произнесённые сквозь зубы с непривычной резкостью:

– Мой дядя был глупцом и пьяницей. – Пауза, и голос Лео приобрёл интимную, почти опасную окраску. – А у меня... есть кое-что, что им нужно. Что-то, о чём они даже не подозревают.

Слова повисли в ночном воздухе, наполненные скрытой угрозой.

– Это паритет, Арчи, – продолжил Лео, и в его голосе зазвучала холодная уверенность.
– Игра, в которой у меня тоже есть козырь.

– Игра, в которой проигравший может заплатить самой высокой ставкой, – голос Арчи-бальда дрогнул. – Лео, ради всего святого...

– Решение принято, – отрезал Лео, и в его тоне зазвенела холодная сталь. – Сегодня ночью. Всё должно закончиться сегодня ночью.

Послышались шаги, удаляющиеся вглубь комнаты. Затем наступила тишина, нарушаемая лишь далёким смехом из зала и шелестом листьев под ветром. Мелисса, прижавшись спиной к холодной каменной балюстраде, чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, отдаваясь в ушах глухими ударами. Холодный ночной воздух больше не бодрил – он леденил кожу, проникая под тонкое платье. Она стояла так ещё минуту, две, пока не убедилась, что голоса не вернутся. Только тогда она позволила себе выдохнуть – длинный, дрожащий выдох, который облачком пара растаял в темноте.

Когда она, наконец, вернулась в зал, осторожно отодвинув портьеру и проскользнув внутрь, бал уже клонился к неизбежному завершению. Часы на высокой башне торжественно пробили полночь – двенадцать глубоких, гулких ударов, прокатившихся по залу. По давней традиции главная люстра начала медленно угасать: одна за другой гасли хрустальные подвески, свет становился тусклее, мягче. Вслед за ней одна за другой гасли свечи на стенах и столах – слуги в ливреях обходили зал с длинными гасильниками, и пламя шипело, умирая в воске.

Всё пространство постепенно погрузилось в таинственный, трепетный полумрак, где единственным источником света оставались багровые, угасающие отблески умирающего огня в огромном камине и редкие блики от луны в высоких окнах. Тени удлинились, стали гуще, обволакивая гостей, превращая яркие платья в приглушённые силуэты. Музыка стихла, оставив после себя звенящую тишину, нарушаемую лишь шёпотом и редким смехом. В этой внезапно наступившей, почти театральной темноте портрет сурового графа Орлова в дальнем конце зала словно ожил. Его пронзительный взгляд, казалось, преодолевал толщу времени и сумрак и был неотрывно, безошибочно устремлён прямо на неё.

Глава 2: Общество Ящера

Утро, наступившее после бала, пришло в школу блеклым и безразличным. Бледное осеннее солнце заглядывало в высокие окна, но его жидкий свет не в силах был пробить густую пелену подавленности, окутавшую «Предел Ветров». Мелисса очнулась от непривычной гнетущей атмосферы, царившей в школе. Не трель будильника и не привычный утренний гул за дверью прервали её сон, а звенящая пустота, в которой лишь отдавался стук собственного сердца.

Быстро одевшись, Мелисса спустилась вниз, и оказалась в самом эпицентре этой злоеющей тишины. Просторный зал, обычно залитый утренним солнцем и наполненный оживлёнными голосами, сейчас утонул в сумеречном полумраке. Ученики сидели тесными группами, их позы были скованны и неестественны, а еда на тарелках оставалась нетронутой. Мелисса медленно шла между столами, и каждое её движение словно разрезало этот тяжёлый, вязкий воздух. Она ловила обрывки фраз, которые витали в затхлой атмосфере столовой, наполняя пространство тревогой и невысказанным ужасом.

– ...говорят, нашли его как раз в старом крыле, – шептала девушка из младших классов, её глаза были красными от слёз.

– ...с лестницы, да... – вторил ей чей-то дрожащий голос. – Страшно представить...

– ...а я слышал, что он был не один...

Мелисса замерла на полшаге, но говоривший уже отвернулся, и она не смогла понять, кто это сказал. Её сердце учащённо билось, сжимаясь в предчувствии неминуемого удара. И когда по школьной системе оповещения раздался официальный, безжизненный голос директора, худшие опасения подтвердились:

– Дорогие учащиеся и преподаватели, – зазвучало из старых динамиков, и в наступившей тишине каждое слово отдавалось гулким эхом. – Сегодня утром в результате трагического несчастного случая погиб наш ученик, Лео Брайтон.

Голос директора на мгновение дрогнул – или ей показалось? – но тут же вновь обрёл официальную твёрдость:

– Произошло падение с высоты в одном из закрытых крыльев здания. Администрация школы приносит глубочайшие соболезнования семье и друзьям юноши.

Когда директор объявил, что доступ в Западное крыло будет закрыт до окончания расследования, а все внеурочные занятия отменены, по залу пронёсся встревоженный гул. Но Мелисса в этот момент почувствовала не растерянность, а острое, щемящее стремление действовать. Пока толпа учеников медленно и нехотя расходилась, заполняя коридор приглушенными голосами и шаркающими шагами, она старалась не привлекать внимания и пробиралась сквозь неё. Однако у выхода её путь неожиданно преградила сплочённая группа девушек во главе с заплаканной, но по-прежнему величественной Викторией.

– Он постоянно туда ходил! Я умоляла его остановиться! – голос Виктории звенел истерикой, её пальцы судорожно сжимали воздух. – Эти бесконечные тайны, его дурацкое «Общество»... Оно его погубило!

Одна из подруг робко попыталась вмешаться:

– Вики, успокойся, пожалуйста... Всё будет хорошо...

– Хорошо? – девушка издала горький, надломленный смех. – Лео мёртв! Его убили эти... эти проклятые стены! Он что-то искал там, что-то нашёл – и теперь его нет!

В этот момент из двери учительской вышел Макс. Он замер в нескольких шагах, наблюдая за сценой с ледяным, отстранённым выражением лица. Его взгляд скользнул по истеричной Виктории, и Мелисса уловила в нём не сочувствие, а бездонное, почти физическое презрение.

– Прекрасный спектакль, не находите? – тихо, но отчётливо произнёс он, обращаясь скорее к самому себе, но Мелисса расслышала каждое слово. – Королева остаётся королевой даже в трагедии. Готова отыграть свою роль до последней минуты.

Виктория услышала это. Она резко обернулась, её глаза, ещё мгновение назад полные слёз, теперь пылали чистой яростью.

– Ты! – её голос стал ниже и опаснее. – Ты всегда ему завидовал! Теперь ты доволен? Твой безупречный брат наконец совершил ошибку? Самую последнюю!

– Завидовал? – он усмехнулся, но в звуке не было ни капли веселья. – Нет, Виктория. Я пытался его защитить. От таких, как ты. От ваших детских игр в секретность и величие. А ты... – он сделал паузу, давая словам обрести нужный вес, – ты просто боишься, что твой хрупкий статус королевы рухнет вместе с его смертью.

Подруги Виктории замерли в оцепенении, а сама она, внезапно онемев, уставилась на Макса взглядом, в котором читалась чистая, невысказанная ненависть. Он выдержал этот взгляд, а затем, не удостоив её больше ни словом, резко развернулся и зашагал прочь, решительно рассекая застывшую толпу.

Эхо последних слов ещё вибрировало в напряжённой тишине, но до сознания Мелиссы они уже не доходили. Её ноги сами понеслись вперёд, подхваченные нарастающей волной тревоги, которая с каждой секундой превращалась в тяжёлую, леденящую уверенность. Знакомые до боли школьные коридоры в этот миг казались чужими и враждебными, пока она не упёрлась взглядом в жёлтую ленту полицейского ограждения, перекрывающую вход в западное крыло. Воздух ударил в ноздри – тяжёлый, густой, вобравший в себя запах старой пыли, сырости камня и едкого химического шлейфа, вероятно, доносившегося от раскрытых чемоданов криминалистов.

Неподалёку, прислонившись к стене, двое старшеклассников, бледные как полотно, взволнованно шептались с дежурным учителем.

– И я говорю ему: Лео, не ходи туда, там же аварийное состояние... – донёсся до неё обрывок фразы. – А он только отмахнулся и сказал, что забыл там одну вещь после вчерашней репетиции...

Одну вещь. Слова Лео, сказанные ей на балу о скрипе пера в библиотеке старого крыла, отозвались в памяти зловещим эхом. Неужели он действительно отправился туда один? Ночью?

Мелисса машинально отступила в тень глухой каменной ниши и прислонилась к холодной стене, пытаясь переварить новую, пугающую деталь. Её взгляд сам собой скользнул к щели приоткрытой дубовой двери, ведущей в заброшенное крыло. Дверь была массивной, потемневшей от времени, с резными панелями, покрытыми слоем пыли. В узком просвете виднелось начало знаменитой винтовой лестницы – чугунные ступени, круто уходящие вверх спиралью, с потёртыми перилами из тёмного дерева. Мелисса невольно отметила про себя, что лестница была не просто старой – она была опасной. Местами ступени были покрыты мусором, в углах навалены старые ящики, строительный хлам, какие-то свёртки, забытые здесь десятилетия назад.

Внезапно её внимание привлекло движение у самого ограждения. Один из полицейских – высокий мужчина в форме, небрежно натягивал латексную перчатку на правую руку. Он медленно наклонился, чтобы поднять блестящий осколок стекла с пола – острый, неровный кусок, отразивший свет фонаря холодным бликом. Луч фонаря скользнул по полу, и в этом зыбком свете Мелисса заметила нечто иное. Прямо у основания резной балясины перил, всего в паре сантиметров от тяжёлого чёрного сапога полицейского, лежал небольшой тёмный предмет.

У девушки резко перехватило дыхание, сердце забилося так сильно, что в висках застучало. Она замерла, боясь пошевелиться и даже вдохнуть. Полицейский между тем выпрямился и неторопливо отнёс осколок в прозрачном пакете коллегам – те кивнули, что-то отметили в блокноте, – и их внимание вновь переключилось на лестницу вверх. План возник внезапно

– отчаянный, почти безрассудный, граничащий с безумием под носом у полиции и в ярком свете дня. Притворно нагнувшись, чтобы поправить бант на туфле – жест, который, надеялась она, выглядел естественно и безобидно, – она резко опустилась на корточки, присев у самой ленты. Рука стремительно скользнула под полицейскую ленту, пальцы сомкнулись на холодном гладком металле. Мгновение спустя она уже стояла, отступая в спасительную тень коридора и сжимая в кулаке свою находку.

Укрывшись в уединении женского туалета – холодного помещения с запахом хлорки, старой плитки и слабым эхом капающей воды, – и защёлкнув замок кабинки с громким щелчком, Мелисса наконец разжала дрожащую ладонь. На ней лежала закладка для книг – не простая картонная полоска, а отлитая из тёмной, почти чёрной стали, тяжёлая и холодная даже спустя минуты в кулаке. Фигура фантастического ящера с извилистым, змееподобным телом, хищно изогнутой шеей и разинутой в беззвучном шипении пастью была выполнена с поразительной детализацией: каждая чешуйка проработана так точно, что под пальцами ощущался рельеф, неровности, даже крошечные зубы в пасти казались острыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.